

Дед Игнат вышел на потемневшее от времени крыльцо. По небу гонимые ветром неслись рваные тучи, предвещая начало скорого дождя, во дворе беспечно копошились пёстрые молодки во главе с чёрным петухом, за околицей истошно лаял пёс, слышен был глухой стук молотка. Спустившись по скрипучим ступеням, старик прошагал до ворот, откинул щеколду. От порыва ветра они распахнулись и с силой ударились о стену деревянной избы.

У дома напротив суетился народ, хозяин, Гришка Трофимов, наскоро забивал окна досками, его супруга Наталья, ещё молодая, плотная женщина, повязанная белой косынкой, спешно грузила узлы и домашнюю утварь в стоявший поблизости ЗИЛ. Завидев старика, она крикнула: «Все, уезжаем мы, Игнат Фомич, один остаётесь». Он недобро глянул из-под густых бровей, и, не решаясь подойти, сел на завалинку, издали наблюдая за суматохой.

Село Русская Карланга некогда было достаточно большим. Ещё в царские времена в центре него стояла белокаменная церковь, в которую по праздникам съезжались православные жители соседних деревень, а неподалёку, на площади, проходили шумные ярмарки. С приходом социализма по ту сторону речки Карлинки за каких-то полгода выросли коровники и амбары. Колхоз «Путь Ильича» быстро стал одним из передовых в районе, а несколько доярок с молочно-товарной фермы даже ездили в Москву, на ВДНХ. Колокола с церкви сняли и по осени, на хранение, засыпали в неё зерно нового урожая, а на ярмарочной площади возвели бревенчатое здание — правление колхоза, над входом в которое гордо развивалось красное знамя.

Игнат Фомич по окончании курсов механизаторов по примеру отца стал работать трактористом в колхозе, женился, а с началом войны в числе других мужчин ушёл на фронт. Надежда, супруга его, первый год прилежно писала письма, в которых сообщала, что единственный сын их, Митька, «учиться совсем не хочет, что приходится им не сладко, живут впроголодь, а корову Пестравку ещё по осени пришлось заколоть». К концу 1942 года связь с родным домом пропала. Лёжа в госпитале после ранения в ногу, Игнат Фомич не находил себе покоя. Будучи по природе своей человеком грубым, и редко дававшим волю чувствам, он нет-нет да и пускал скупую мужскую слезу, боясь подумать о самом страшном. В начале января он получил весть от матери: «От Надьки известий не жди, уехала она, и Митьку с собой забрала. Воюй честно, бей врага, а я ждать тебя буду».

Оказалось, что устав от ожиданий и в поисках лучшей доли, жена его, взяв с собой сына, отправилась вслед за парторгом, который наобещал ей золотые горы. Но на

пути в Куйбышев партийный работник женщину с ребёнком покинул, и как дальше сложилась судьба Надежды, никто не знал.

Вернувшись с войны Игнат Фомич строго настрого запретил себе думать о ней и Митьке и стал ещё угрюмей.

Началась мирная жизнь, он снова сел на трактор. Через пару лет похоронил мать, да так и жил бобылём, бросая злобные взгляды в сторону женского пола: не мог простить предательства.

Русская Карланга умирала. Закончив школу, молодёжь уезжала на учёбу в город и больше не возвращалась. Обмелела Карлинка, опустели коровники, некогда передовой колхоз «Путь Ильича» распался, закрылась школа, а со временем и магазин. На всё село оставались две жилых избы Игната Фомича да Трофимовых. Но и они сегодня уезжали.

— Дед Игнат, да что ты, ей-Богу! И тебе пора съезжать отсюда, — прокричал Гришка.

— Куда ж он поедет, нет у него никого, — одёрнула шёпотом мужа Наталья.

Отложив молоток, перейдя через дорогу, Гришка присел на завалинку рядом со стариком, достал сигаретку, закурил.

— Стало быть, уезжаете, — прервал молчание Игнат Фомич.

— Ну да, — виновато произнёс Гришка. — Квартиру уж месяц как получили, всё тянули с переездом. Так ведь осень скоро, а мы и дров не запасали. В квартире-то нужды в них нет. Наташка уже и на работу устроилась, через неделю выходит... Поваром... В заводскую столовую... Там все наши рядом: и Никишины, и Самойловы, и бабка Марфа тоже. Зря ты, дед, от квартиры отказался.

— А на кой она мне? Здесь родился, здесь и помру.

— Вот чудак ты, дед! Помрёшь один, хоронить-то кто тебя будет?

Ничего не ответил Игнат Фомич. Встал, и направился в дом.

— И тебе, дед, счастливого пути, — обиженно сказал Гришка, затушив окурок носком кирзового сапога, и пошёл дальше продолжать свою работу.

К вечеру по крыше забарабанил дождь, ветер успокоился. Всю ночь не спал Игнат Фомич, ворочался, думал над словами Гришки: «А и правда, если помру, на погост меня кто понесёт?» На рассвете он подошёл к окну, глянул на дом Трофимовых. Раньше в это время в его окнах уже горел свет, Наталья вставала рано. Сегодня же соседская изба стояла призраком по ту сторону широкой улицы, пополнив ряды таких же, как и она, оставленных хозяевами.

Ломило поясницу. Перевязав её старой материнной шалью, проеденной молью, старик вышел на крыльцо, закурил. Одинокая тяжёлая капля сорвалась с крыши и звонко ударилась о перевёрнутое пустое ведро. «Мишка!», — хрипло кликнул он пса. Животное не отозвалось, а лишь виновато выглянуло из конуры, не желая подходить к хозяину.

— Тьфу, и ты туда же! — в сердцах произнёс Игнат Фомич.

Кряхтя, он вернулся в дом, выпил холодного чая и пошёл топить баню. Густой дым повалил из трубы. Раньше, каждую субботу все большое русское село топило бани, бабы пекли пироги и над Русской Карлангой стоял запах сдобы, смешанный со сладкой горечью дыма.

Надрав крапивы, Игнат Фомич сделал из неё веник, и с силой отхлестал им себя (лучше дедовское средство от радикулита!), чисто выбрился. Вернулся в избу, принарядился в белую рубаху, пиджак с орденами и отправился на остановку.

Автобус в райцентр ходил каждый день. Солнце стояло уже высоко, от ночной непогоды не осталось и следа, зеленела, напившись влаги, трава, шелестели умытые дождём берёзки. Остановка — поставленный когда-то Гришкой Трофимовым табурет — находилась рядом с церковью, под высокой липой. Присев, Игнат Фомич отдышался, глянул на купола, проржавевшие за десятилетия от дождей. Перекрестился. На оголившемся потолочном перекрытии он разглядел тонкую рябину, которая качалась на лёгком ветру. Ждать пришлось недолго, на горизонте появился ПАЗик.

В салоне у окна сидел незнакомый мужчина лет пятидесяти, на переднем сиденье — Лизавета — дородная вдова из соседней Ивановки.

— Игнат Фомич, ты что это, жениться собрался? Рубаха, ордена, и не гляди, что восьмой десяток, — громко прокричала она и разразилась заливистым смехом.

— Ну, чего раскричалась, сорока, не глухой, чай, слышу, — грубо ответил он. — На ком жениться-то? На селе ни одной бабы, ни молодой, ни старой.

— А ты, вон, Лизавету в супруги возьми, она — девка на выданье, — присоединился к разговору Стёпка, водитель автобуса. Он тоже родился и вырос в Русской Карланге, но уже лет десять как жил в городе. — Что, говорят, и Трофимовы в райцентр подались?

Игнат Фомич не ответил. Повисла тишина, каждый думал о том, что умирает село, что нет у него будущего.

Прибыв в райцентр, дед прямоком отправился в редакцию местной газеты. Здесь главным редактором работала его племянница Маринка.

— Ты чего не предупредил, что приедешь? — спросила она, увидев старика на пороге своего кабинета.

— Как же я тебя предупрежу? С голубыми ежами письмо отправлю, — буркнул он.

— Да, что-то не подумала, дядя Игнат, извини.

— Куда вам, городским, у вас тут вон, телефоны.

— Марина Петровна, из Министерства звонили, — на пороге появилась молоденькая секретарша. — Сказали, через час быть.

— Скажи Володе, пусть машину готовит. Скоро тронемся, — ответила редактор.

Девушка скрылась за дверь. Увидев строгий взгляд дядьки, Марина немного ступсевалась.

— Верно, по делу приехал?

— А то. Чай что ли распивать? Знаю, не до меня тебе, и не пришёл бы, да не знаю, к кому обратиться.

— Ну, слушаю, раз так. Чем могу, помогу. Переезжать решил?

— Сказал, никуда из села не поеду. Это вам здесь хорошо дышится, а мне дома вольготно. Надежду найти хочу... Митьку...

На несколько секунд воцарилось молчание. Нарушила его Марина.

— Да... И что это ты полвека жил себе бобылём, а теперь Надежду искать вздумал?

— Тебе знать не положено. Решил, значит надо так. Ты лучше скажи, сможешь?

— Марина Петровна, машина готова, — снова показалась в дверях кудрявая головка секретарши.

— Сейчас, Любаша, сейчас. Допустим, можно запрос в Куйбышев отправить, — снова переключилась она на Игната Фомича, — так ведь сколько лет прошло, и не факт, что до Куйбышева они тогда доехали.

— Факт не факт, а ты попробуй. Окромя тебя никто помочь не сможет.

— Хорошо, запрос я отправлю. Позвоню куда следует. Только ты особо не надейся, может ... и в живых их нет уже.

— Ты эти разговоры брось, Маринка!

— Хорошо-хорошо, попробуем. Не сердись. А теперь пора мне. Чаю не предлагаю, не успеваю, сам видишь, в Министерстве ждут. Поехали, мы тебя до села подкинем, по пути.

Минуло тёплое лето, незаметно пролетела золотая осень, наступили серые дождливые дни, похожие один на другой. В надежде на известия о Надежде и сыне, Игнат Фомич прислушивался к каждому шороху. Как-то ночью ему померещилось, что к дому подъехала машина. Сердце старика забилося, он по-молодецки соскочил с лжанки и поспешил на крыльцо, вышел за ворота. Была холодная сентябрьская ночь. Он на пару минут задержался, вглядываясь в даль — ничего. Ругая себя за излишнюю сентиментальность, вернулся в избу и до рассвета ворочался, тщетно пытаясь уснуть.

Наступила зима, вестей ни от жены с сыном, ни от племянницы так и не было. Старая фотокарточка, чудом сохранившаяся с довоенного времени, на которой Надежда держит на руках Митьку, уже несколько недель лежала на столе. Несколько лет, как ненужное воспоминание, она была спрятана в старый сундук: «с глаз долой — из сердца вон». Теперь каждое утро старик беседовал с семьёй, вглядываясь в молодое лицо Надежды и поглаживая корявым пальцем Митьку на снимке. Он перестал надеяться на встречу и считал, что она не состоится, уже почти смирясь с тем, что слова Маринки о том, что ни жены, ни сына нет в живых могут оказаться правдой.

Дорогу до Русской Карланги замело, и уже неделю Игнат Фомич сидел дома, исправно топил печь и жевал закупленные впрок сухари, запивая их холодным чаем. Был канун Рождества. На бревенчатой стене чуть слышно шипело радио. Он невольно вспомнил, как, будучи ребёнком, с ватагой таких же, как он, ряженных мальчишек, в сочельник ходил по домам селян. Во главе весёлой компании шёл «звездарь», несущий большую восьмиконечную звезду. Им на протяжении нескольких лет бесценно был Васька Миронов, шустрый рыжий паренёк, за которым закрепилась слава отпетого хулигана. За ним следовал «звонарь» с колокольчиком — Федька Усачёв, а замыкал шествие «мехоноша» с большим мешком для сбора подарков — Савелий Богачёв. Вся

ватага останавливалась под окнами домов и дружно пела колядки: «Коляда, коляда! Ты подай нам пирога, или хлеба ломтину, или денег полтину, или курочку с хохлом, петушка с гребешком!» Угощали ребятню, чем могли: пирогами, пастилой, баранками. Все это потом дружно съедалось. Долго жили в глубинке традиции, несмотря на то, что советская власть объявила, что бога нет.

Игнат Фомич, погрузившись в воспоминания, задремал. За окном стояла тихая морозная ночь, в печи, подмигивая друг другу, догорали угли. Раздавшийся лай пса Мишки заставил старика очнуться от забытья.

— Ух, разбрехался! — зло пробубнил он и в надежде, что пёс успокоится, перевернулся на другой бок и с головой укрылся тулупом из овчины. Собака продолжала лаять. Вдруг ему показалось, что кто-то робко стучит в замёрзшее, не закрытое ставнями окно.

Игнат Фомич зажёл свет в передней, взглянул на часы: было без четверти десять. Время позднее, да и кто доберётся до забытого богом села по заметённой дороге? Разве что нечистая сила. Стук повторился с новой силой.

Он погасил свет и припал к разрисованному морозом стеклу. Ничего не разглядев, взял фонарик и поспешил выйти на крыльцо.

Пёс по-прежнему остервенело лаял на цепи. С опаской открыв ворота, он увидел молодого мужчину, в полушубке и кроличьей шапке с чемоданом в руках. Сердце старика бешено забилося, ноги подкосились. Он сразу узнал его, Митьку, но в горле стоял ком и долго старик не мог вымолвить ни слова.

— Ну здравствуй, батя! С Рождеством! — произнёс ночной гость, улыбнувшись сквозь густые усы.

Многое видел на своём веку Игнат Фомич, прошёл войну, похоронил отца и мать, испытал немало лишений, но никогда не давал он волю своим чувствам. Сейчас же, обнимая сына, старик не сдерживал рыданий: плакал, не веря в долгожданную встречу, и шептал, шептал сквозь слезы: «Вот и ты, Митька, мой Митька! Вот и вернулся в отчий дом» ...